

Рец. на: Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с.

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Etnicheskie elity v natsional'noy politike Rossii. Moscow; Saint Petersburg, 2018

DOI: 10.31857/S086956870001587-6

Элитные группы и их роль в развитии государства и общества — тема традиционная для общественных наук, а элитология уже выделилась в отдельное направление исследований, в том числе и исторических. Авторы рецензируемой коллективной монографии поставили перед собой сложную задачу — показать место этнических элит в развитии российской государственности. Традиционный взгляд на элиту постулирует её гомогенность, позволяющую ей консолидироваться, занимать лидирующие позиции в обществе и, благодаря этому, противостоять врагам (контрэлитам)¹. Однако правящий слой российского государства сложно рассматривать в этом ключе, поскольку он сформировался в результате экспансии и всегда был неоднороден в этническом плане. Авторы прекрасно это понимают и сделали сознательный акцент на проблеме инкорпорации этнических элит в элиту общегосударственную.

В предисловии подчёркивается, что на первом этапе формирования многонационального государства (вторая половина XVI в.) в основном доминировала практика «истребления или насильственного отстранения от власти элитных слоёв» (с. 10). Но она показала свою неэффективность или оказалась просто нереализуемой. Поэтому уже в следующем веке был взят курс на сотрудничество с этническими элитами и опору на них в продвижении государственных интересов.

Наиболее отчётливо стратегия инкорпорации проявилась в имперский период, которому посвящена большая часть исследования. Россия тогда сочетала в себе черты современного и традиционного государства. Современное государство XVIII — начала XX в. (во всяком случае, в его идеально-абстрактной версии) стремилось организовать управление на унифицированных рациональных началах, построить гомогенную культуру

новую среду, создать универсальные государственные и общественные институты и т.д. Российская империя действовала именно в этом направлении, однако столкнулась с сопротивлением традиционных социальных структур. Новый курс предполагал сохранение местных общественных институтов (часто весьма архаичных) и активное включение в имперский правящий класс элит национальных окраин. Формировалась система непрямого управления, характерная для колониальных держав², но имевшая свои особенности.

Проблема инкорпорации, вероятно, впервые остро встала в связи с изменением геополитической ситуации в Евразии из-за ослабления государств Чингизидов. Постепенно бывшие сюзерены и вассалы (московские князья) поменялись местами. Автор главы А.В. Беляков подробно описывает состав, статус и даже материальное содержание Чингизидов в Московском государстве. При этом он прослеживает эволюцию их статуса от верховных вотчинников к служилым князьям, которых в начале XVIII в. уравнивали с российским дворянством.

Наиболее ярко практика сотрудничества с этническими элитами проявилась на Северном Кавказе и Закавказье. Глава, написанная Л.С. Гагаевой и Дж.Я. Рахеевым, показывает всю сложность взаимодействия с местными элитами, связанную не только с социокультурными различиями, но и особенностью геополитического положения региона между тремя государствами — Османской и Российской империями и Ираном. Это приводило к тому, что многочисленные кавказские правители играли на противоречиях великих держав, заключая соглашения и объявляя себя вассалами то одних, то других. Российское правительство делало ставку на стремящиеся перейти под её протекторат народы и опиралось на местную аристократию (весьма неоднородную). «Мирные»

горцы в свою очередь становились опорой в борьбе с воинственными. Большое значение играли различного рода материальные и статусно-символические поощрения. Особое внимание уделялось духовенству. В целом проводилась острожная политика, направленная на привлечение христианского и мусульманского духовенства на сторону империи.

Присоединение региона поставило проблему инкорпорации кавказской аристократии в имперскую — причём не только «техническую», требующую унификации и соотнесения сложных систем титулов с общеимперской системой. Выявились важные особенности элитарного сознания в Российской империи. Сразу после окончания Кавказской войны началась дискуссия о возможности утверждения горской знати в потомственном дворянском достоинстве. Если у одних представителей имперской элиты это не вызывало возражений, то другие выступали категорически против, заявляя, что «дарование титулов... было бы величайшей политической ошибкой и унижением наших коренных русских князей и дворян... Горцы должны знать, что... только заслуги личные дают право на приобретение особых преимуществ» (с. 85). Для значительной части имперской элиты пропуском в неё считалась честная служба императорскому дому, а не просто аристократическое происхождение. Исследование показывает, что правительство поступило прагматично и инкорпорация, целью которой было замирение региона, пусть и непросто, но всё же состоялась.

Можно сделать вывод, что присоединение Кавказа, несмотря на противоречивый характер последствий, в том числе связанных с длительной войной и мухаджирством (массовой эмиграцией местного населения), дало региону заметный модернизационный импульс. Оно стимулировало переход местных народов от замкнутости традиционных политик к качественно новой идентичности — национальной.

Глава, подготовленная А.В. Марчуковым, посвящена истории формирования и инкорпорации малороссийской элиты. Этот процесс показан на широком политическом фоне и ярко демонстрирует местную специфику. Российское государство и в данном случае опиралось на верхушку малороссийского общества — казацкую старшину, близкую конфессионально и культурно этническую и социальную группу, у которой можно обнаружить элитное самосознание. Однако процесс её формирования — элитогенез — не был завершён, потому главным устремлением старшины оставалась нобилитация: признание её благородным сословием со сторо-

ны польского короля или московского царя. Впрочем, другой группе малороссийской элиты — православному духовенству — в силу религиозных факторов делать непростой выбор между Польшей и Московским царством не приходилось. В главе подробно разбирается история упразднения гетманской автономии.

Молдавская элита оказалась в центре внимания В.Я. Гросула. Исследователь показал исторические связи России и Молдавии, ставшие основой инкорпорации местной элиты в имперскую. Интересна широкая трактовка автором понятия «элита», под которой подразумевается не только социальная и политическая верхушка, но и культурная среда, рассматривается её вклад в российскую культуру.

Общие для империи тенденции в управлении национальными окраинами проявились и в отношении остзейцев (глава подготовлена Э.П. Федосовой), преимущественно немецких баронов. Именно они стали опорой монархии в Прибалтике. В то же время они делали всё, чтобы сохранить имевшиеся привилегии и даже приумножить их, яростно боролись за сохранение особого статуса. Центральная власть была вынуждена учитывать эти настроения и соблюдать сложившийся баланс интересов. Важным сюжетом очерка является «остзейский вопрос» — спор в правительственных кругах о положении остзейцев и их особых правах. Фактически данная дискуссия была посвящена вопросу о дальнейшем направлении развития империи: унификации управления или сохранении дифференциации.

В целом процесс инкорпорации представлял собой сложный процесс, и Российская империя проявляла заметную эластичность, позволявшую ей сохранять баланс между целостностью империи и культурной и социальной автономией этнических сообществ. Можно ли в таком случае говорить о единой стратегии? С одной стороны, очевидно, что многое решалось ситуативно, приходилось учитывать сложившуюся обстановку, культурную специфику и прочие особенности. Как следствие, управление национальными окраинами империи не было единым. С другой, авторы отмечают, что именно опора на элиты стала основой непростого, но в целом успешного присоединения национальных окраин к империи. Немалую роль играла и достаточно успешная презентация имперской власти перед «инородцами». Российская империя оказалась своего рода инкубатором для формирования у ряда народов национального сознания современного типа. Это, естественно, не отменяет и негативных для национальных куль-

тур последствий от нередко проводившейся насильственно русификации.

Специальная глава, написанная К.С. Дроздовым, Д.А. Аманжоловой и В.В. Трепавловым, посвящена этническим элитам в республиках СССР. После революции произошла смена парадигмы рекрутирования в «верха», теперь она основывалась на классовом происхождении. Специально рассматривается процесс элитогенеза на Украине и в Белоруссии. Выделяются следующие этапы: 1920-е — начало 1930-х гг. — период политики «коренизации», когда, собственно, и происходило формирование новых элит, и 1933–1939 гг. — период репрессий, смены «личного состава» элит. Схожие процессы, пусть и в специфической форме, наблюдались в Закавказье и Средней Азии. Специально рассматривается случай инкорпорации Прибалтики. Советская власть в большей степени была нацелена на унификацию, чем имперская, но и ей приходилось исходить из ситуативных факторов и брать в расчёт интересы национальных элит.

По наблюдениям авторов, окончательное оформление местных национальных элит пришлось на послесталинский период и в значительной степени связано с расширением полномочий республиканских административных и хозяйственных органов. В дальнейшем их формальная и неформальная самостоятельность только усиливалась. Одновременно наблюдалось снижение доли/удельного веса/представленности этнических русских в партийных и советских органах управления республик. В 1960–1980-х гг. в некоторых республиках (прибалтийских, Украине и др.) оформились две стратегии взаимоотношений с союзным центром. Одну представляли национал-коммунисты, стремившиеся отстаивать культурную и экономическую самостоятельность. Другую — сторонники общесоюзного курса на центра-

лизацию и ассимиляцию. В национальной номенклатуре наблюдался процесс складывания кланов, усиливался запрос на выражение этноидентичности — всё это «сыграло» в ходе очередного реформаторского рывка на рубеже 1980–1990-х гг.

При подготовке монографии авторский коллектив применил широкий спектр методологических подходов: институциональный, семиотический, просопографический и др. Впрочем, распределены они неравномерно. Издание удачно дополняют приложения. Биографические очерки, посвящённые представителям этнических элит, позволяют через призму контекстных биографий увидеть роль этнических элит в российской истории. Отмечу и справочные таблицы партийно-государственного руководства союзных республик СССР, составленные Д.А. Аманжоловой.

К сожалению, многие проблемы, в том числе и в силу объективных причин, не были затронуты. Так, немного внимания уделено проблеме мышления элит. Не нашла отражения проблема их этнической мобилизации, участия в культурной жизни и национально-освободительной борьбе, роли последней в распаде Российской империи. Тем не менее данное издание несомненно станет важной вехой в изучении этнических элит, а богатый фактический материал послужит основой для постановки новых проблем.

Примечания

¹ *Сергеев Е.Ю.* Современное элитоведение: итоги и перспективы // *Элиты и лидеры: Традиционализм и новаторство.* М., 2007. С. 10.

² *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 50.